

УДК 327.2:355.01

Соловьев А.В.

Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа

Соловьев Алексей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

В статье дается анализ теоретических и методологических подходов к изучению насилия и войны в XX веке во Франции и России. Статья построена на исследовании оригинальных источников. Автор показывает развитие взглядов на войну как специфическую форму социального насилия. Отмечается необходимость дальнейшего развития теоретических знаний о войне.

Ключевые слова: война, насилие, философия войны, социология войны, полемология, жестокость, потери, мировая война, наука о войне.

Связь таких социальных явлений, как война и насилие, не вызывает особого сомнения даже у обывателя. Характер насилия с древнейших времен признавался священным; к какой бы мифологии мы ни обратились, война и связанное с ней насилие имели своих покровителей во всех пантеонах богов. Многие народы, особенно на языческой стадии развития, поклонялись богам войны как верховным. Постепенно функции покровительства войне переходят от главных богов ко второстепенным (например, Арес / Марс — греко-римский бог войны и жажды крови, Афина / Минерва — греко-римская богиня войны и мудрости и др.). Впоследствии у Гераклита сама война превращается в божество («война — отец

слева — Афина, в греческом пантеоне богиня организованной войны, военной стратегии и мудрости, знаний, искусств и ремесел, покровительница городов и государств; справа — бог войны Арес (изображения на греческих чернофигурных вазах)

слева — Индра, один из главных богов в ведийской и индуистской мифологии, громовержец (бог дождя), бог войны; справа — Сканды, бог войны в индуизме (в Южной Индии отождествляется с дравидийским богом войны Муруганом)

Хатиман — бог войны в синтоизме, покровитель героев во время битвы

всего и царь всего, она являет одних богами, а других людьми...»). Связь насилия со священным, ритуальным обнаруживается в мифологии, а затем в религии, становясь отдельной темой в философии и других областях знания о человеке и обществе [Жирар 1972].

Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа

Война, как и насилие, является феноменом, присущим жизни большинства народов, достигших определенного уровня социально-экономического и политического развития. Она сопутствует жизни этих народов на протяжении многих тысячелетий и является органичным элементом социокультурного контекста их развития. Война, так же, как те отношения, которые ее порождали, условия, в которых она возникала, протекала, завершалась и снова возникала, менялись от эпохи к эпохе, поражая людей своей неизбежностью, изменчивостью и многоликостью. Она была той осью, вокруг которой вращался мир, построенный на насилии. Описания, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о той поистине исторической роли, которую в истории государств и народов играли войны, становившиеся для одних основой процветания, для других — причиной заката или полного исчезновения. Война была источником мифологических, эпических и религиозных сюжетов — и сюжетов поэтических, скульптурных и живописных, и, наконец, предметом научных исследований, призванных дать человеку инструменты предвидения и влияния на саму войну. Масштабы, значение и последствия этого феномена для жизни обществ также притягивали внимание мыслителей самых различных эпох и народов.

Зачатки научного подхода к исследованию войны можно найти уже у древних. Геродот, Тацит и иные историки античности, описывая войны и сражения, заложили основы исторической науки, фиксируя исторические события, не ограничиваясь констатацией фактов, а привнося исследовательский и аналитический аспект в освещение этих событий. Эти описания до сих пор являются ценнейшим материалом для изучения войны во всем многообразии отношений, заключенных в ней как в фокусе, сконцентрировавшем то, что оставалось вне поля зрения в мирное время. Внимание исследователей, несомненно, привлекал и феномен обострения во время войны всех процессов, латентно протекавших в обществе в мирное время.

В конце XIX в. возобладало мнение о том, что войны должны уйти из жизни человечества и уступить место мирному развитию, свободному от военных столкновений. Зачем война, если все можно решить другими средствами: экономическими, дипломатическими и др. Казалось бы, вполне убедительными кажутся подобные рассуждения, но жизнь доказала правоту тех, кто вопреки кажущемуся благополучию не поддавался успокаивающим иллюзиям. Последующие события показали, что военные средства разрешения экономических и политических противоречий не сошли с политической арены. Разразившаяся первая мировая война, втянувшая в свою орбиту десятки стран, показала глубину противоречий, ставших реальной причиной катаклизма. После ее окончания заговорили было о том, что это была последняя война в истории человечества, потому что невиданный доселе уровень насилия и жестокости, принесший человечеству ужасные страдания, сделал войну невозможной. Прошло всего лишь двадцать лет, и мир оказался ввергнутым во Вторую мировую войну, превзошедшую свою предшественницу и по количеству государств-участников, и по количеству вооружений, и по размаху боевых действий, масштабу разрушений, численности потерь среди военных и гражданского населения, и по степени жестокости, проявленной во время ведения войны. Именно со второй половины XX в. интерес к войне как к социальному явлению приобрел систематический характер. Рассмотрение войны в рамках различных парадигм приводило к столкновению исследовательских позиций и способствовало определенному продвижению вперед по пути понимания причинно-следственных связей между различными составляющими этого процесса.

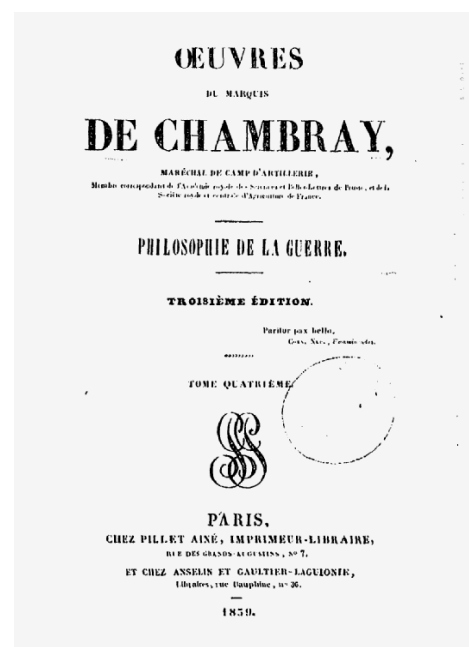
Однако в XX в. произошли не только две мировые войны, последняя из которых была завершена боевым применением ядерного оружия, унесшим жизни ни в чем не повинных мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, — он также дал новое видение проблем войны, а вместе с ней и мира.

В конце XIX — начале XX вв. очень распространенным было направление в философии, носившее название «философия войны». Это название имеет более раннее происхождение. Его употребил в начале XIX в. участник наполеоновской кампании 1812 г. генерал артиллерии маркиз Жорж де Шамбре в одном из своих трудов, озаглавленном «Philosophie de la guerre» («Философия войны»)¹, вышедшем в 1828 году¹.

¹ Во многих источниках датой появления в свет этого произведения называется 1827 г. Однако более убедительным представляется информация, имеющаяся на страницах второго издания (1829) книги, где указывается, что первое издание «Философии войны» вышло в январе 1828 г.

Жорж де Шамбре (Georges, marquis de Chambray, 1783—1848), маркиз, французский генерал артиллерии

Титульный лист третьего издания «Философии войны» (1839)

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

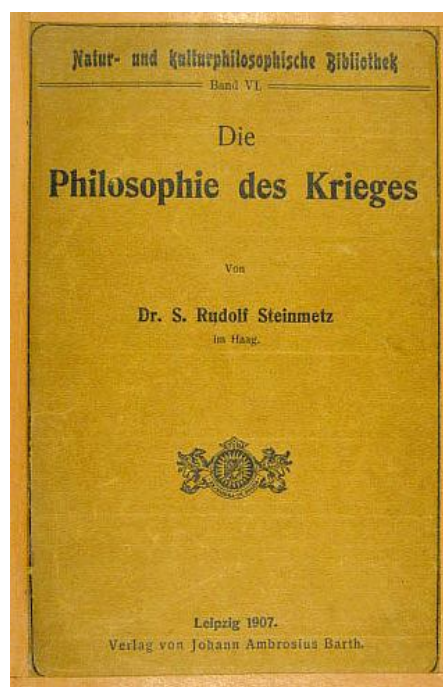
В предисловии он писал: «Слово *философия* имеет несколько значений, я рассчитываю познакомить с тем значением, которое я дал ему в названии этого произведения. В применении человеческого ума выделяют четыре уровня 1) ремесло, 2) искусство, 3) наука, 4) философия. Ремесло является рутинной или способностью, приобретенной практикой без знания принципов и правил; искусство подчинено правилам или принципам; наука является системой знаний о полезном предмете; философия является основой, позитивом, сущностью или даже общими положениями науки. Именно в этом смысле я использовал слово *философия*: Линней (а), Вольтер (б), Фуркруа (в), Жоффруа Сен-Илер (г) и многие другие авторы использовали его в том же самом смысле [перевод мой — А.С.]» [Chambray 1829. P. V-VI].

Представители этого направления стремились рассмотреть это явление в рамках философской парадигмы, хотя порой под этим названием появлялись произведения, по сути, являвшиеся не философским осмыслением войны как феномена социальной жизни общества, а скорее сборниками сентенций различных выдающихся людей (философов, политиков, полководцев, писателей и т.д. о войне и ее проявлениях в различных областях человеческой деятельности). Примером труда такого рода является книга французского капитана Р. Анри, изданная в Париже в конце XIX в. [Henry 1879]. Тем не менее, в данном «эссе» есть оригинальные мысли, которые свидетельствуют о том, что данная работа способствовала развитию и утверждению взгляда на войну, отличного от чисто военного исследования данного феномена. Его можно в определенной степени сравнить с трудом К. Клаузевица «О войне», в котором философско-политические размышления о войне перемежаются с обобщениями военно-стратегического характера. Философия войны была своего рода попыткой подняться над военно-прикладным уровнем проникновения в сущность войны. Французский автор писал, что война «связана с политикой и социальными науками своими причинами и результатами; она сочетает все знания, накопленные математикой, физикой, естественными науками, чтобы стократно увеличить силы человека и поднять интенсивность его коллективного действия; наконец, она порождает настоящую философию посредством рассмотрения простых принципов и естественных законов, с которыми мыслитель может соотнести все социальные, моральные и технические вопросы, которые ставят на кон этими конфликтами, в которых периодически проходят закалку ум и жизнеспособность человеческого рода [перевод мой — А.С.]» [Henry 1879, p. 21]. Кроме него проблему философского осмысления войны позднее поднимали и другие его соотечественники. Например, Эмиль Оливье, давший в своей книге [Olivier 1870] философский анализ конкретной войны.

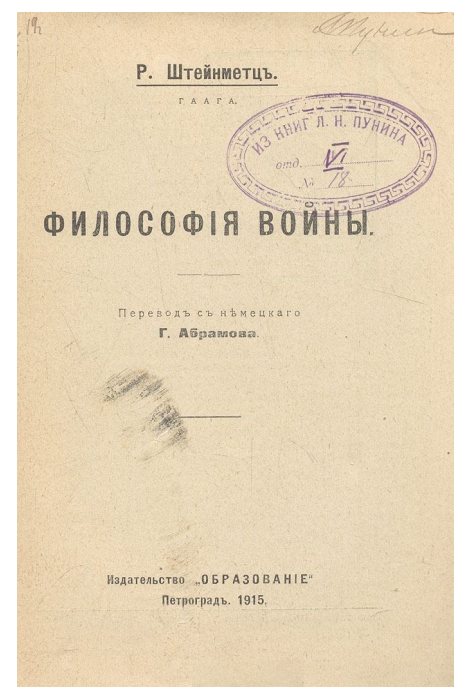
Известный голландский представитель этого направления д-р С.Р. Штейнметц в своем капитальном исследовании на немецком языке под названием «Философия войны» упоминает имена французских и русских коллег, работавших в той же парадигме, — Драгомирова, Ланё, Лагоржета, Лависа, Летурно, Новикова, Рамбо, Л.Н. Толстого [Steinmetz 1907].

Себалд Рудольф Штейнметц (Sebald Rudolph Steinmetz, 1862—1940), голландский этнограф и социолог

Обложка первого издания «Философии войны» (Steinmetz S.R. Die Philosophie des Krieges. Leipzig, 1907)

Титульный лист русского издания «Философии войны» Штейнметца (1915)

Вообще, в конце XIX — начале XX вв. были распространены научные труды, в которых многочисленные феномены рассматривались сквозь призму философии. Например, в Германии существовала серия «Natur- und Kulturphilosophische Bibliothek», в которой публиковались труды философского характера в различных областях знания. Начало Второй мировой войны способствовало тому, что французские мыслители вновь вспомнили о философии войны [Landsberg 1939].

В современном французском философском сообществе проблема войны также занимает важное место. Так, созданное в 1996 г. философское общество Нанта в 2003—2004 гг. проводило лекции-дебаты на тему «Философия перед лицом войны», в ходе которых заслушивались доклады и проводились прения. В них приняли участие философы Ж. Гобер, Т. Менисье, Ж. Рико, Б. Бенуа, П. Асснер.

Рассуждая о взглядах русских философов конца XIX — начала XX вв. на роль войны в жизни общества, некоторые авторы используют термин «апология» [Писаренков 2005]. Применение этого термина по отношению к творчеству рус-

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ских философов указанного периода, по нашему мнению, требует некоторого уточнения, так как его трактовки в современных отечественных словарях могут помешать правильному пониманию смысла, вкладываемого в это понятие. В ряде словарей, таких как Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а также Большой энциклопедический словарь (БЭС) и других, дается односторонняя трактовка этого понятия, сужающая его объем и потенциально способствующая возникновению смысловых ошибок в понимании как самого термина, так и всего контекста. Так, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой о нем говорится: «Апология (книжн.) — неумеренное чрезмерное восхваление, защита кого-чего-н» [Ожегов, Шведова 1999, с. 27]. БЭС детализирует, хотя и с определенными оговорками: «Апология (греч. apologia), неумеренное, чрезмерное восхваление кого-нибудь или чего-нибудь, защита (обычно предвзятая)» [Большой энциклопедический словарь 1997, с. 61]. Оценочное прилагательное «предвзятое» не лучшим образом характеризует то новое, что было добавлено по отношению к понятию «защита» по сравнению со словарем С.И. Ожегова. Платону, наверняка, стало бы не по себе, если бы он узнал, что именно таким образом может быть истолковано название его произведения «Апология Сократа», где он пытается защитить своего предшественника, талантом и гражданской смелостью которого он восхищался. Большой толковый словарь современного русского языка Д.Н. Ушакова дает более корректную трактовку этого термина: «Апология — [греч. apologia]. Защита, устная или письменная, оправдание, восхваление, пропаганда какого-н. лица, учения, идеи и т.п.» [Ушаков 2005, с. 15]. И, наконец, Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона возвращает нас к очищенному от позднейших идеологических наслоений значению этого термина: «Апология, греч. защита обвиняемого словом или письменно; сочинения, защищающие христианство» [Малый энциклопедический словарь... 1994, с. 190]. Похожее толкование можно найти в иностранных толковых словарях, например, во французском толковом словаре «Пти Робер» [Petit Robert 1972, p. 71].

Философия войны явилась теоретическим осмыслением фундаментальных основ войны, причин ее возникновения, ее неразрывной связи с историей человечества. Среди множества имен известных философов, уделивших этой проблеме внимание, особое место принадлежит русским и французским философам XX в. Достаточно назвать имена таких представителей русской философской мысли этого периода, как Л.Н. Толстой, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. Точки зрения этих мыслителей по поводу войны в значительной степени отличались друг от друга, но равно способствовали многостороннему рассмотрению темы, создания соответствующего дискурса, характерного для этой области знания.

Известный факт, о котором упоминают и современные французские и отечественные исследователи, свидетельствует о том, что во второй половине XIX — начале XX вв. в Европе и в России было распространено мнение о том, что период войн между странами уходит в прошлое, так как война становится бессмысленной, поскольку противоречит экономическим законам развития. Между тем экономическая политическая и военная ситуация в мире постепенно, но неминуемо изменялась в сторону нарастания противоречий, которые впоследствии привели к мировому конфликту 1914—1918 гг. В России первыми, кто заговорил о возможности и даже неизбежности войны, были ведущие представители творческой мысли XIX в. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. И тот, и другой, каждый по-своему, но одинаково остро поставили эту проблему².

² Достоевский Ф.М. Парадоксалист // ПСС в 30 тт. Л., 1982, Т. 22; Достоевский Ф. М. Признания славянофила // ПСС в 30 тт. Л., 1983, Т. 25; Соловьев В.С. Смысл войны. Одесса, 1915; Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. М., 1991. Эти работы вошли в отдельный сборник «Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн». Москва-Жуковский: Кучково поле, 2005. По нему цитируются указанные работы.

Их убежденность в неизбежности войны дала основание некоторым авторам квалифицировать ее как апологию войны. Но эта «апология» была наполнена идеями, уходящими корнями в наследие прошлого и предвосхищающими некоторые теоретические построения современности. Например, в «Парадоксалисте» главный герой утверждает: «Дикая мысль, что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима» [Достоевский 2005 а, с. 11]. Невольно вспоминаются имена Платона, Аристотеля, Гегеля и иных мыслителей прошлого, высказывавших подобные мысли. В «Признаниях славянофила» Ф.М. Достоевский ставит вопрос, до сих пор занимающий умы западных стратегов, историков, психологов, политиков. Это вопрос о загадочном русском характере, а именно о непонимании русской нации, ее целей и потенциалов, это боязнь «отставшей, зверской и непросвещенной» нации, провоцирующая агрессивное отношение к ней. Так, любое действие, предпринимаемое Россией не для прямой выгоды своей, «кажется Европе столь непривычным, столь вышедшим из международных обычаев», воспринимается как «безнравственный факт, опасный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации» [Достоевский 2005б, с. 21]. Замечательными по насыщенности оригинальными идеями также являются произведения В.С. Соловьева «Смысл войны» и Три разговора о войне».

Попытка преодоления метафизичности в изучении войны была осуществлена в рамках «социологии войны», зародившейся в конце XIX в. Она ознаменовала переход к методологии «позитивной науки» в исследовании этого социального феномена. Социология войны стала признанным направлением социологических исследований. Об этом пишет Г. Саломон в обзоре работы X Конгресса Международного института социологии в Женеве в 1930 г., проходившем под названием «Социология войны и мира» [Salomon 1938, p. 423—442]. В этом обзоре, заслужившем положительную оценку П. Сороки-

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

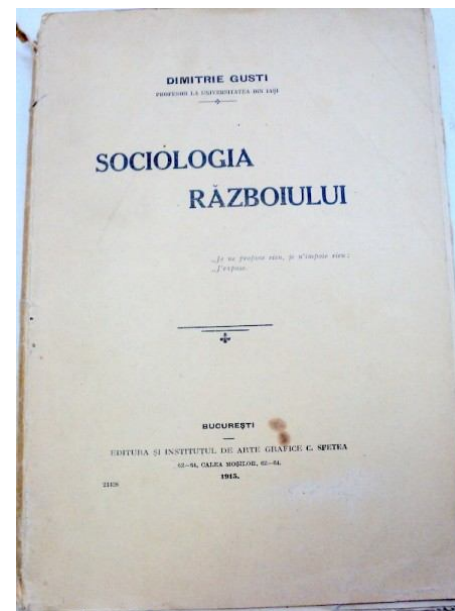
ным, автор называет наиболее выдающихся исследователей, занимавшихся указанной проблемой, — Гумпловича, Шпанна, Штейнметца, Вашер де Лапужа, Ардан дю Пика, Константэна, Шелера, Новикова, Зангвилла, Амона, Лагоржета, Дюпра, Оргазы, Бутуля, Питара, Корнейо, Тарда, Ришара и др. Однако Г. Саломон не назвал ряд имен, вклад которых в развитие «социологии войны» делает их достойными упоминания. Так, на наш взгляд, этот список следовало бы дополнить именами румынских социологов А.Д. Ксенопола и Д. Густы и русского военного социолога Н.Н. Головина, которые в начале XX в. внесли заметный вклад в развитие социологической мысли о войне. Произведения А.Д. Ксенопола и Д. Густы на румынском и французском языках являются важным вкладом в развитие социологического знания о войне и органично входят в контекст европейской традиции в рассмотрении этого сложного социального феномена [*Xéropol 1907, Gusti 1915*].

Александру Димитрие Ксенопол (Alexandru Dimitrie Xenopol, 1847—1920), румынский историк, писатель, философ, педагог и социолог

Димитрие Густы (Dimitrie Gusti, 1880—1955), румынский филолог, социолог и эстетик

Титульный лист первого издания «Социологии войны» Д. Густы (Gusti D. Sociologia războiului. Bucuresti: Editura C. Sfetea, 1915)

Между тем безусловный интерес представляют, на наш взгляд, некоторые параллели в творчестве двух талантливых исследователей, которых обрела Франция. Речь идет о Н.Н. Головине (1875—1944) и Г. Бутуле (1896—1980). Неодинаковы были их судьбы и судьбы их учений — родившийся в России Н.Н. Головин, генерал русской армии, участник Первой мировой войны, вынужден был эмигрировать во Францию, француз Г. Бутуль появился на свет в Тунисе, — однако многие моменты в их научной деятельности весьма сходны, вплоть до объекта исследования и цели (создание «новой науки о войне» — социологии войны). В то же время Головин и Бутуль по-разному представляли себе задачи своих исследований и место новой науки в системе научного знания. Так, хотя оба исследователя определяли создаваемую ими науку как «социологию войны», в интерпретации Н.Н. Головина она представляла собой (и стала) основой военной социологии, а у Г. Бутуля больше походила на общесоциологическую теорию войны.

Тяга к научной деятельности проявилась у Н.Н. Головина довольно рано. В 1896 и 1902 гг. выходят в свет его первые работы [*Головин 1896, 1902*]. В зрелом возрасте, уже закончив Николаевскую академию Генерального штаба и пройдя службу в штабах 37-й и 2-й пехотных дивизиях, а с 1905 г. — в должности заведующего передвижением войск Петербургско-Двинского района, Н.Н. Головин активно занялся научными изысканиями. В 1905—1907 гг. он является секретарем Общества ревнителей военных знаний, участвует в создании печатного органа этой организации — «Вестника общества ревнителей военных знаний». В нем, а также в журналах «Русский инвалид» и «Новое время» появляются в этот период его публикации по истории военного искусства и тактике. В 1907 г. Н.Н. Головин защищает диссертацию [*Головин 1907*]. В период с 1908 по 1909 гг. его направляют во Францию, где он знакомится с системой подготовки военных кадров в «Эколь сюрперьор де гер», начальником которой в то время был будущий маршал Франции Ф. Фош. Эта командировка оказала революционизирующее влияние на талантливого педагога и ученого. После возвращения на родину Н.Н. Головин пишет большое количество работ и пытается усовершенствовать учебный процесс в академии, делая упор на применение «прикладного метода обучения». Для его научных изысканий характерно сочетание интересов в области военного искусства, социологии и военной психологии. Не получив поддержки в своих прогрессивных начинаниях со стороны военного министра, Головин вынужден был уйти из академии. В 1920 г., после окончания Первой мировой и гражданской войн Николай Николаевич оказался в эмиграции во Франции, за годы которой ему удалось многое сделать как в теоретическом, так и в практическом плане. Головин сумел реализовать многое из того, что было задумано в России. Основным его успехом было написание концептуального научного труда «Наука о войне. О социологическом изучении войны», вышедшего в Париже в 1938 г.

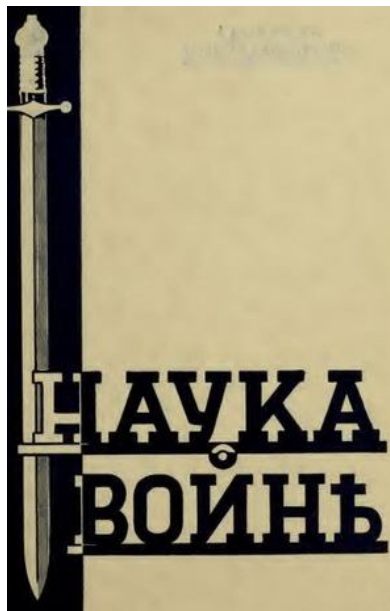
Большая работа была проделана Н.Н. Головиным по институционализации «социологии войны»: в марте 1927 г. в Париже он создал «Военно-научные курсы систематического изучения военного дела», а затем отделение Парижских курсов в Белграде (1931). По его инициативе при Белградских военно-научных курсах в 1936 г. был основан Русский военно-научный институт, а в 1938 г. при Парижских курсах — Институт по исследованию проблем войны и мира. Русский социолог стоял у истоков создания при Белградских курсах в 1936 г. научного периодического издания «Осведомитель», главным редактором которого он стал. Кроме того, он преподавал в военно-учебном заведении Ecole supérieure de guerre, яв-

Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа

лялся профессором Русского историко-филологического факультета в Париже, приглашался на работу в Стэнфордский университет. Его работы переводились на многие языки.

Николай Николаевич Головин (1875—1944), генерал-лейтенант, военный историк и теоретик, профессор Николаевской академии Генерального штаба

Обложка и титульный лист первого издания труда Н.Н. Головина «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (Париж, 1938)

Титульные листы работ Н.Н. Головина «Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы», Белград, 1939, издание Русского военно-научного института (слева) и второго тома «Военных усилий России в мировой войне», Париж, 1939 (справа)

В связи со Второй мировой войной курсы прекратили свою работу: Парижские в 1939 г., Белградские — в 1944 г. В том же 1944 году в Париже скончался Н.Н. Головин. После окончания войны, в 1950 г., в Нью-Йорке по инициативе бывших слушателей и преподавателей головинских курсов был воссоздан Русский военно-научный институт под названием Институт по исследованию проблем войны и мира имени профессора Головина. Все это свидетельствует о признании его научного вклада в развитие научного изучения войны³.

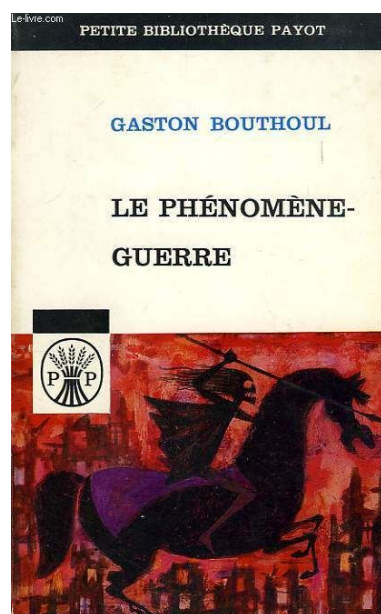
³ Большой вклад в изучение жизненного и творческого пути Н.Н. Головина внес отечественный исследователь И.В. Образцов, в работах которого использованы оригинальные архивные материалы [Образцов 1992 а,б].

Появление полемологии — другой разновидности «социологии войны» — связано с именем ее создателя французского социолога Гастона Бутуля (1896—1980). Выходец из Туниса, он получил европейское образование, защитил диссертации на степень доктора права и философии, основал Французский институт полемологии и возглавлял его до последних дней жизни, написал около 30 произведений, переведенных на десяток языков, и сотни статей, прочитал множество лекций и дал многочисленные интервью.

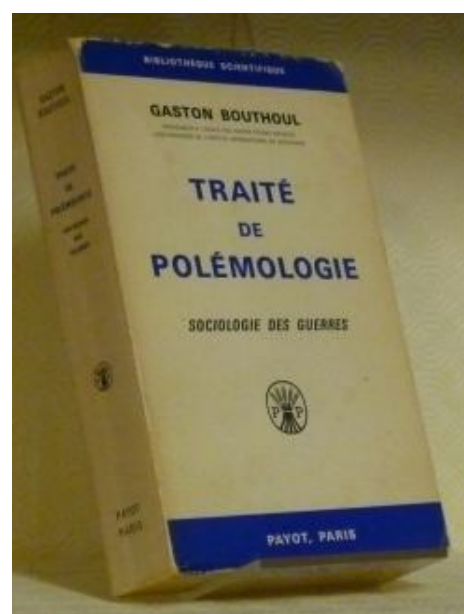
Увлечение социологией пришло к Бутулю достаточно рано. Уже в 1930 г. он написал серьезный труд «Продолжительность рабочего дня и использование досуга». Преподавал в Сорбонне, Школе высших социальных исследований. Являлся членом Международного института социологии, а затем и его вице-президентом.

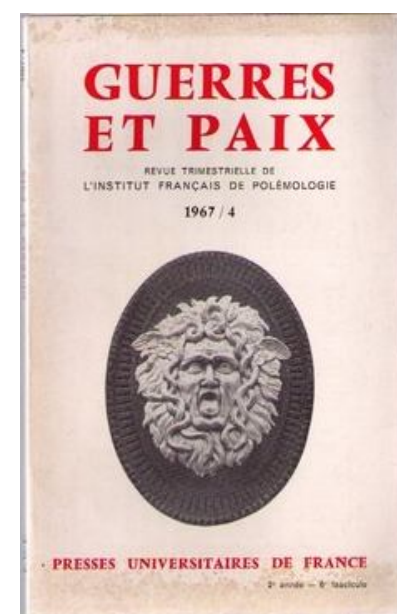
Гастон Бутуль (Gaston Bouthoul, 1896—1980), французский социолог, основатель полемологии

Обложка первого издания «Феномена войны» Г. Бутуля (Le phénomène-guerre. Paris, Payot. 1962)

Первое издание труда Г. Бутуля «Трактат о полемологии» (Traité de Polémologie. Sociologie des guerres. "Bibliothèque Scientifique". Paris, Payot. 1970)

Обложка периодического издания Французского института полемологии (Guerres et paix, Revue de l'Institut Français de Polémologie, n° 4, 1967)

Творческий путь Г. Бутуля условно можно разделить на два периода. Первый — до 1945 г. — связан с работами по общей социологии и демографии, второй — после 1945 г. — с работой по созданию «новой науки о войне» — полемологии. Именно в год окончания Второй мировой войны был основан Французский институт полемологии. В процессе инсти-

Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа

туционализации нового направления был сделан еще один необходимый шаг. В 1965 г в свет стало выходить периодическое издание института под названием «Guerre et paix / Wars and peace», впоследствии переименованное в «Etudes polémologiques». Журнал выходил один раз в три месяца. Он объединил вокруг себя единомышленников и способствовал распространению идей полемологии как во Франции, так и за ее пределами. Возникла французская школа полемологии, сыгравшая значительную роль в исследовании целого комплекса явлений, связанных с войной [Соловьев 2006]⁴.

⁴ В свете сказанного непонятной кажется такая ситуация, когда для научной жизни Франции, известной своими демократическими традициями, совершенно незамеченной остается обширная деятельность Н.Н. Головина. Почему Г. Бутуль ни разу не упомянул своего коллегу русского происхождения, жившего в той же стране в то же время, что и он, писавшего на том же языке, что и он, работавшего в том же направлении и достигшего значительных успехов в этой области, опубликовавшего во Франции и за ее пределами многочисленные работы? Некоторую ясность в этом отношении вносит историк, профессор Оксфордского университета Т. Зэлдин. В своей книге о французах он приводит историю, случившуюся с Альбером Жаккаром во время его пребывания в Стэнфордском университете (США). За время девяти месяцев работы и жизни там — в идеальных условиях, вместе с семьей — он постоянно испытывал ностальгию, причем не только по родине, но и по собственной идентичности. Потребность ощущать себя французом была для него жизненной необходимостью. Вместе с тем именно там он понял, что отличает атмосферу американского и французского научных сообществ: по его мнению, «американские ученые делятся своими идеями гораздо великодушнее, чем французы» [Зэлдин 1989, с. 41]. По-видимому, то же можно сказать об упоминаниях и ссылках, которые французские коллеги делают (или не делают) друг на друга в научной литературе.

В XX в. после победы социалистической революции в России начался новый период развития социально-политической мысли по проблеме войны и мира. Спецификой этого периода являлось довлеющее влияние марксизма-ленинизма на развитие как военной теории, так и социально-политических взглядов на войну. Тем не менее, нужно отметить, что видные теоретики Советской России внесли значительный вклад в развитие науки о войне. Основателем советской военной науки считался В.И. Ленин, в своих трудах, посвященных военным вопросам, опиравшийся на теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса, адаптируя их к современному ему периоду. Идеология накладывала серьезный отпечаток на взгляды советских военачальников того периода, но не могла полностью подчинить себе военно-теоретическую мысль, опирающуюся на реальные процессы вооруженной борьбы.

Понимание социального характера войн было присуще многим военным теоретикам. Такие полководцы и военные теоретики, как М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, И.С. Уншлихт, А.К. Топорков, С.М. Белицкий и др., анализировали изменения в войне, вызванные ее социально-политической природой, демографическими и техническими факторами, предвосхитив многие черты будущей войны: ее невиданные доселе масштабы, развертывание боевых действий на различных театрах на огромных пространствах, стирание резкой грани между фронтом и тылом, возрастание роли промышленности и тыла в ходе войны. Ряд теоретиков ставил проблему соотношения войны и вооруженной борьбы (М.Н. Тухачевский, А.В. Голубев, К.И. Бочаров и др.), утверждая, что война не исчерпывается военными операциями, а разворачивается и в других сферах — идеологической, дипломатической, экономической и т.д. М.В. Фрунзе, В.К. Блюхер и др. подчеркивали решающую роль человека в войне, придавая большое значение роли науки не только для победы в вооруженной борьбе, но и в политическом воспитании личного состава и формировании командных кадров для вооруженных сил [Война и армия 1977].

Этот период отечественной истории был богат талантливыми людьми, стремившимися внести лепту в развитие военной науки, и не только тактики и стратегии, но и в создание новой системы взглядов на войну как социальное явление. Этой задачей были озабочены и представители русского зарубежья (Н.Н. Головин, А.А. Керсновский), и те, кто остался в Советской России — А.Е. Снесарев, М.Н. Тухачевский и др. Но если Н.Н. Головин говорил о необходимости создания «социологии войны», то Снесарев и Керсновский предполагали решить эту задачу с помощью «философии войны», а Тухачевский в 1926 г. предлагал создать «полемостратегию», под которой подразумевал некую общую науку о войне.

Антон Антонович Керсновский (1905—1944), военный историк и публицист (фото середины 1920-х гг.)

Александр Евгеньевич Снесарев (1865—1937)

Михаил Васильевич Фрунзе (1885—1925)

Василий Константинович Блюхер (1890—1938)

Михаил Николаевич Тухачевский (1893—1937)

Соловьев А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа

Необходимость создания новой науки о войне витала в умах передовых мыслителей того времени. В этом контексте становятся понятнее гносеологические корни полемологии, возникшей в более поздний период во Франции. Примечательно, что методологические подходы у них отличались, что приводило к расхождению в понимании путей достижения цели. Так, например, А.Е. Снесарев критически воспринимал отдельные положения «высшего учения о войне» Н.Н. Головина [Наука и война 2006, с. 195–201]. Такое критическое восприятие свидетельствовало о многогранности самой проблемы и наличии конкурирующих гипотез в этой области человеческого знания. Вторая мировая война положила начало новому этапу в развитии науки о войне. Военно-политическая практика дала богатый материал для теоретических обобщений, возникновению новых взглядов на военно-политические процессы. Годы войны показали, насколько реальная политика способна опровергать идеологические догмы. Однако и в области теории были достигнуты определенные успехи.

Окончание Второй мировой войны применением принципиально нового оружия заставило теоретиков по-новому взглянуть на перспективы возникновения будущих войн. Военное насилие перешло на ядерный уровень. Обладание ядерным оружием с двух сторон способствовало формированию биполярной системы и парадоксальной ситуации ядерного равновесия, обеспечившего на длительный период предсказуемость мировых процессов.

В послевоенный период на развитие политических теорий, касавшихся войны и мира оказал большое влияние Ш. де Голль. Исходя из факторов, обусловленных географией страны, национально-психологическими особенностями французов и т.д., он разработал оригинальную концепцию национальной обороны. В ней были четко определены стратегические цели, например, служение человеку, его свободе и интересам; возложение Францией на себя ответственности за урегулирование мировых проблем. Для достижения этих целей национальная оборона, по мнению политика, должна была основываться на принципах: а) национального возрождения, б) обороны по всем азимутам, в) выбора приоритетных средств, г) союзов с другими странами, д) функционального разделения управленческих полномочий между правительством и военным руководством, е) ответственности государства и высокопоставленных лиц за ее обеспечение.

Национальной обороне приписывались следующие имманентные свойства:

- являться главным условием существования нации;
- всесторонний, всеобъемлющий, глобальный и актуальный характер;
- самостоятельность и независимость.

Актуальность приоритетов военной политики Франции связывалась с понятием «национальный интерес». Это понятие, а также понятие «нация» стали краеугольным камнем концепции Ш. де Голля.

Заметим в этой связи, что те же понятия в интерпретации экс-президента Франции Н. Саркози были основой совершенно иной внешней и военной политики французского государства. Необходимо отметить, что понятие «национальный интерес» по-разному трактовалось французскими учеными и политическими деятелями. Так, известный французский социолог Р. Арон определяет это принципиально важное понятие как «безопасность, мощь и славу». Французский историк и политолог Ж.-Б. Дюрозель не согласен с такой трактовкой и выступает против сведения национального интереса к мощи и безопасности государства. Р. Дебре отождествляет это понятие с «политико-психологической тайной». Тем не менее, дискуссия по этому поводу послужила как уточнению его предметного поля, так и его использованию в политическом дискурсе для обоснования военно-политических решений. В настоящее время к проблеме нации и национального интереса часто обращается современный политолог Т. де Монбриаль.

Шарль де Голль (Charles André Marie De Gaulle, 1890–1970)

Жан-Батист Дюрозель (Jean-Baptiste Duroselle, 1917–1994), французский историк, специалист в области социальной и политической истории

Режи Дебре (Régis Debray, р. 1940), французский левый философ, политический деятель

Тьерри де Монбриаль (Thierry de Montbrial, р. 1943), французский социолог, политолог и политический деятель, директор Французского института международных отношений

Некоторые французские теоретики считают, что и в настоящее время политику государства на международной арене по-прежнему определяют национальные интересы, стремление обеспечить безопасность нации, в том числе с помощью

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

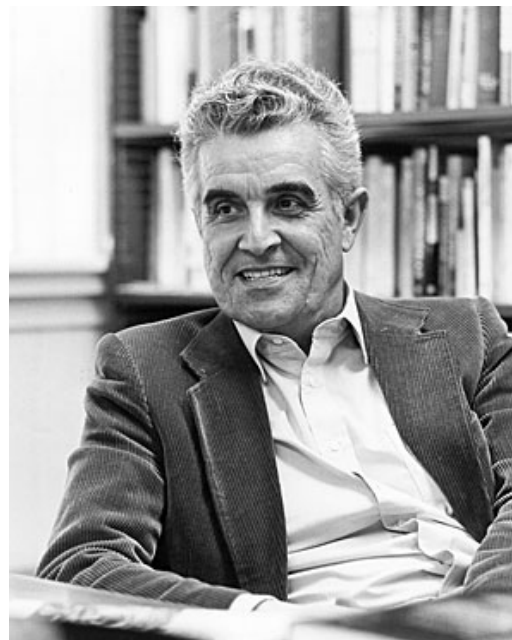
военных средств. Они единодушны в том, что главной целью политики национальной безопасности не может быть борьба за мифические «общечеловеческие ценности». Ж. Фрэнд полагал, что проповедь общечеловеческих ценностей означает принятие политической зависимости, то есть принесение в жертву независимости общества. Он уверял, что абстрактная защита моральных ценностей невозможна, она может существовать только как защита территории, на которой эти ценности признаются, либо как защита общества, которое верит в них. И только тот может сделать это, кто может вести войну или в случае необходимости помешать ее развязыванию.

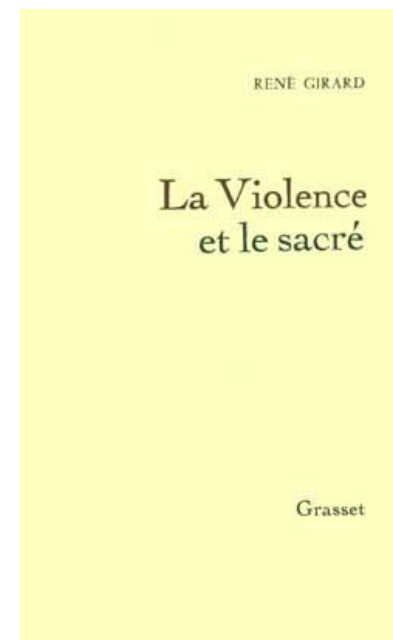
Жюльен Фрэнд (Julien Freund, 1921–1993), французский социолог и философ

Обложка первого издания «Социологии конфликта» Ж. Фрэнда (Sociologie du conflit. Paris, PUF, 1983)

Рене Жирар (René Noël Théophile Girard, р. 1923), французский философ, культуролог, литературовед

Обложка первого издания труда Р. Жирара «Насилие и священное» (La violence et le sacré. Paris: Grasset, 1972)

Своеобразен подход в интерпретации насилия и войны у Рене Жирара. В одном из своих основных произведений «Насилие и священное» [Girard 1972] он затрагивает проблемы войны через рассмотрение связи насилия и священного. В этой работе рассматриваются наиболее общие проблемы соотношения насилия и священного, в то время как более детальное исследование войны в контексте насилия мы можем найти в другой его работе «В завершение Клаузевица» [Girard 2007], где Жирар утверждает, что в наше время насилие ускользает от всяческого контроля и угрожает всей планете. В этой книге исследователь предлагает совершенно новое прочтение Клаузевица, заключающееся в попытке рассмотреть концепцию военного мыслителя XIX в. в свете представлений о «миметическом» характере насилия⁵.

⁵ Согласно концепции Жирара, все человеческое как в отдельном человеке, так и в связях между отдельными индивидами, которые конституируют человеческий род, возникли из сферы религиозного, трактуемого Жераром не только как сакральное, но и как жертвенное. Отправным моментом здесь является предположение о возникновении всякого культурного и социального строя благодаря разрешению так называемого «жертвенного кризиса», каковым выступает состояние «войны всех против всех», путем совершения жертвоприношения. При этом Жирар выделяет «мимесис воспроизведения» (повторение отдельных элементов мелкой моторики, мимики и т.д.) и «мимесис присвоения» («комплекс жадности»). Объектом подражания в последнем случае является не формы, а мотив поведения: наделенное предельными миметическими способностями живое существо (каковым, по Жирару, и является человек), видя, что другое живое существо из его сообщества стремится завладеть неким объектом по той причине, что желает его, начинает, подражая, также желать заполучить этот же самый объект (явление, описанное для случая поведения маленьких детей). Когда в итоге желание присвоить один и тот же объект охватывает всех членов сообщества, они превращаются в «братьев-врагов» и возникает «миметический кризис» — всеобщее соперничество, в результате которого сообщество оказывается пронизанным разрушительным взаимным насилием, угрожающим распадом первобытного стада, а, следовательно и самому его существованию и потому способствовавшим появлению нейтрализующих подобного рода насилие механизмов. Единственным же способом нейтрализовать разнонаправленные импульсы насилия состоит в превращении его в насилие единодушное, сосредоточенное на едином для всех объекте, в качестве какового и выступает жертва. Тем самым ситуация «все против всех» превращается в ситуацию «все против одного», и насилие становится «обосновывающим», поскольку только благодаря ему внутри сообщества возникает разрядка и устанавливается мир. Таким образом, «миметический кризис», по Жирару, есть «жертвенный кризис», призванный канализировать насилие путем принесения заместительной жертвы, «впитывающей» в результате импульсы единодушного насилия и насыщающей им. (В скобках заметим, что такой подход, разрушающий традиционную философскую антропологию с ее базовым представлением о человеке как о «разумном животном» обнаруживает очевидную параллель с работами К. Лоренца, посвященными позитивной роли механизма внутривидовой агрессии). (Прим. ред.).

Обращение Жирара к творчеству Клаузевица вполне объяснимо, так как тот был сторонником неограниченной бойны, предполагавшей доведения насилия до крайности. Вообще, теоретическое наследие прусского военного мыслителя привлекало многих авторов, занимавшихся проблемами насилия, войны и политики, например, В.И.Ленина, А.Е. Снесарева, А.А. Свечина, Р. Арона и др.

Период после второй мировой войны появилась новая плеяда отечественных авторов, занимавшихся проблемой войны и мира, таких как Д.А. Волкогонов, И.С. Даниленко, М.А. Гареев, И.А. Грудинин, П.А. Жилин, Т.Р. Кондратков, А.А. Мигола-

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

тьев, А.С. Миловидов, Г.И. Мирский, Е.И. Рыбкин, В.А. Секистов, В.В. Серебрянников, С.А. Тюшкевич, М.И. Ясюков и др. Среди исследователей, внесших заметный вклад в развитие взглядов на военно-технические, социально-философские, социологические и политические аспекты войны, следует отметить, И.А. Гобозова, И.С. Даниленко, И.В. Образцова, В.И. Слипченко, С. Соловьева, П.А. Цыганкова, В.В. Чебана и др.

Из современных французских авторов, развивавших теоретические взгляды на войну как социальное насилие, не упуская из вида научно-технические аспекты трансформации войны в современных условиях, назовем имена П. Аснера, П. Галлуа, Ж. Гиттона, Д. Давида, Р. Дебрэ, А. Жокс, Р. Кайуа, Э. Мюреза, П. Лелуша, К. Ле Борня, А. Филоненко, Д. Эрмана и др.

Отдельно следует отметить, что и в России, и во Франции специалисты чувствуют необходимость в создании «новой науки о войне», соответствующей требованию времени [Даниленко 2006; Нуугуе 2007]. Более того, исследования феномена войны в России и во Франции развиваются в сходных направлениях, что отражается в тематике исследований, в общих методологических проблемах, с которыми сталкиваются исследователи обеих стран (хотя в отечественной социологии войны позиции социального детерминизма по-прежнему сильны). Актуальными и дискуссионными темами являются: понятийный аппарат проблемы, необходимость отражать современные трансформации феномена войны. Наиболее часто встречаются публикации о сетевых, бесконтактных, информационных, концентрированных (когнитивных) войнах, о стратегии не прямых действий и т.д.

* * *

История показала, что проекты «вечного мира» вплоть до наших дней оказались бесплодными. Более того, использование в настоящее время под различными предлогами вооруженного насилия во внешней и внутренней политике дает основание полагать, что XXI век не станет исключением и внесет свою лепту в историю войн и военных конфликтов. В свете сказанного потребность в изучении форм политического насилия делает тем более актуальным анализ теоретического наследия и современных достижений французской политической науки, что таковая уделяет особое внимание вопросам войны, военного насилия, военных конфликтов и терроризма, а ее представители разрабатывают весьма оригинальные теоретические конструкции, имея при этом обширный опыт в практическом решении названных проблем.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия, 1997.
2. Война и армия. Философско-социологический очерк. М.: Воениздат, 1977.
3. Головин Н.Н. 1812 год: Отечественная война и ее герои. СПб.: Тов-во М.О. Вольф, 1896.
4. Головин Н.Н. 1812 год: Альбом отечественной войны и ее героев. С текстом Н. Головина. СПб.: Тов-во М.О. Вольф, 1902.
5. Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. Диссертация на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской военной академии. СПб.: Эконом. Типо-литограф., 1907.
6. Даниленко И.С. Всем известная, но всегда незнакомая // Наука и война. М.: Изд-во «Народный Пушкинский Фонд», 2006. С. 204—237.
7. Достоевский Ф.М. Парадоксалист // Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. Москва — Жуковский: Кучково поле, 2005а.
8. Достоевский Ф.М. Признания славянофила // Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. Москва — Жуковский: Кучково поле, 2005б.
9. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
10. Зэлдин Т. Все о французах. М.: Прогресс, 1989.
11. Малый энциклопедический словарь в 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза и Ефрона. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994.
12. Наука и война. М.: Изд-во «Народный Пушкинский Фонд», 2006.
13. Образцов И.В. Исследование войны как специфического социального процесса // Социологические исследования. 1992а. № 3. С. 135—139.
14. Образцов И.В. Н.Н. Головин — военный ученый, педагог, полководец // Военно-исторический журнал. 1992б. № 12.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
16. Писаренков А.А. Апология войны в русской философии конца XIX — начала XX вв. // Русская философия и православие в контексте мировой культуры. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. С. 78—86.
1. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Izd. 2-e, pererab. i dop. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, Moskva. 1997.
2. Voina i armiya. Filosofsko-sociologicheskii ocherk. Voenizdat, Moskva. 1977.
3. Golovin N.N. (1896). 1812 god: Otechestvennaya voina i ee geroi. Tov-vo M.O. Vol'f, S.-Peterburg.
4. Golovin N.N. (1902). 1812 god: Albom Otechestvennoi voiny i ee geroev. S textom N. Golovina. Tov-vo M.O. Vol'f, S.-Peterburg.
5. Golovin N.N. (1907). Issledovanie boya. Issledovanie deyatel'nosti i svoistv cheloveka kak boitsa. Dissertatsia na zvanie extraordinarnogo professora Imperatorskoi Nikolaevskoi akademii. Econom. Typo-litograf., S.-Peterburg.
6. Danilenko I.S. (2006) .Vsem izvestnaya, no vseгда neznakomaya. In: Nauka i voina. Izd-vo "Narodnyi Pushkinskii fond", Moskva. Pp. 204—237.
7. Dostoevskii F.M. (2005a). Paradoksalist. In: Russkie filosofiy o voine: F.M. Dostoevskii, Vl. Solov'ev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank, V.F. Ern. Kuchkovo pole, Moskva — Zhukovskii.
8. Dostoevskii F.M. (2005b). Priznaniya slavyanofila. In: Russkie filosofiy o voine: F.M. Dostoevskii, Vl. Solov'ev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank, V.F. Ern. Kuchkovo pole, Moskva — Zhukovskii.
9. Zhirar R. (2000). Nasilie i svyashchennoe. Novoe literaturnoe obozrenie, Moskva.
10. Zeldin T. (1989). Vse o frantsuzakh. Progress, Moskva.
11. Malyi entsiklopedicheskii slovar'. V 4 t. Reprintnoe vosproizvedenie izdanya Brokgauza i Efrona. T. 1. Terra, Moskva. 1994.
12. Nauka i voina. Izd-vo "Narodnyi Pushkinskii Fond", Moskva. 2006.
13. Obratstov I.V. (1992a). Issledovanie voiny kak specificheskogo social'nogo protsessa. Sociologicheskie issledovaniya. N 3. Pp. 135—139.
14. Obratstov I.V. (1992b). N.N. Golovin — voennyi uchenyi, pedagog, polkovodets. In: Voenno-istoricheskii zhurnal. N 12.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1999). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Azbukovnik, Moskva.
16. Pisarenkov A.A. (2005). Apologiya voiny v russkoi filosofii kontsa XIX — nachala XX vv. In: Russkaya filosofiya i pravoslavie v kontekste mirovoi culture. Kuban. Gos. Univ., Krasnodar. Pp. 78—86.

СОЛОВЬЕВ А.В. ВОЙНА И НАСИЛИЕ: ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

17. Снесарев А.Е. *Философия войны*. М.: «Финансовый контроль», 2003.
18. Соловьев А.В. Французская школа полемологии: этапы становления // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2006. № 3. С. 32—42.
19. Соловьев В.С. *Смысл войны* // *Русские философы о войне*: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. Москва — Жуковский: Кучково поле, 2005а.
20. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Русские философы о войне*: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. Москва — Жуковский: Кучково поле, 2005б.
21. Ушаков Д.Н. *Большой толковый словарь современного русского языка*. М.: Альта-Принт, 2005.
22. Bouthoul G. *Traité de polémologie*. Paris: Payot, 1970.
23. Chambray G., de. *Philosophie de la guerre*. P., 1829. 2-e édition.
24. Girard R. *Achever Clauzevitz*. Paris: Carnets nord, 2007.
25. Girard R. *La Violence et le sacré*. Paris: Grasset, 1972.
26. Gusti D. *Sociologia razboiului*. Bucuresti: Editura C.Sfetea, 1915.
27. Henry R. *Essai d'un abrégé de la philosophie de la guerre...* Paris: Librairie militaire de J. Dumaine, 1879.
28. Huygue F.-B. in *Héritage et actualité de la polémologie*. P.: Tétraèdre, 2007.
29. Landsberg Paul-Luis. *Réflexion sur une philosophie de la guerre* // *Esprit*. Octobre, 1939.
30. Olivier E. *Philosophie d'une guerre: 1870*. Paris: Flammarion. 1911.
31. Petit Robert. Paris, 1972.
32. Salomon G. A propos des sociologies de la guerre. *Revue international de sociologie*. 1938. 46-e Ann. Septembre-Octobre. P. 423—442.
33. Steinmetz S.R. *Die Philosophie des Krieges*. Leipzig, 1907.
34. Xénopol A.D. *Le rôle de la guerre dans l'histoire de la civilisation*. Paris: M.Giard & E.Brière, 1907.
17. Snesev A.E. (2003). *Philosophiya voiny*. Finansovyi control', Moskva.
18. Soloviev A.V. (2006). *Frantsuzskaya shkola polemologii: etapy stanovleniya*. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. N 3. Pp. 32—42.
19. Solovyov V.S. (2005a). *Smysl voiny*. In: *Russkie filosofy o voine*: F.M. Dostoevskii, Vl. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank, V.F. Ern. Kuchkovo pole, Moskva — Zhukovskii.
20. Solovyov V.S. (2005b). *Tri razgovora o voine, progresse i kontse vseмирной истории*. In: *Russkie filosofy o voine*: F.M. Dostoevskii, Vl. Solov'ev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoi, S.L. Frank, V.F. Ern. Kuchkovo pole, Moskva — Zhukovskii.
21. Ushakov D.N. (2005). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Al'ta-Print, Moskva.

**WAR AND VIOLENCE:
THE EXPERIENCE OF THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS**

Alexey V. Soloviev, PhD (Philosophy); Associate Professor at Lomonosov Moscow State University
E-mail: alexol.ross.msc@mail.ru

The article represents analysis of theoretical and methodological approaches to the study of violence and war which are contained in the works of Russian and French military theoreticians, philosophers, sociologists, and historians. This article is based on the study of original sources in of twentieth century. We show the development of views on the war as a specific form of social violence. We gives a detailed enumeration of French and Russian researchers, involved in fundamental questions of war and armed violence, in detail stopping on the certain theories. Particular attention we paid to the development of the science of war in the periods before the World War I, and after the World War II, to the establishment of sociology of war and of the polemology in France, as well as to concepts of national interests in Russia and France. In this context we consider some works of F. Dostoevsky and Vladimir Solovyov as well as activities of Nikolai Golovin, J. Freund, R. Girard, and of the representatives of the Soviet military and scientific schools (A. Snesev, M. Frunze, M. Tukhachevsky, D. Volkogonov, M. Gareev, I. Danilenko, and S. Tyushkevich). A comparative approach contained in the article, gives an opportunity to follow the development of research in this area in both countries. The content of the article suggests that the study of war and violence in France and Russia are similar to each other, although for the Soviet period of Russia's development was characterized by a high level of ideological component in science.

Keywords: war, violence, philosophy of war, sociology of war, polemology, cruelty, loss, World War I, World War II, science of war.